

УДК 94 (47).083
DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.6

Д.И. Джумаев

СТРУКТУРА СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И ТУХУМА У РУТУЛЬЦЕВ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются особенности организации сельского общества у рутульцев второй половины XVIII – начала XX в. Актуальность поставленной проблемы состоит в том, что за последние годы в истории народов Южного Дагестана накопился фактический богатый материал, имеется достаточная база исторических работ, что позволяет приступить к детальному изучению и осмыслению исторического прошлого рутулов в XVII – первой половине XIX в.

В этой связи исследование исторического прошлого рутулов – одного из коренных и малочисленных народов Дагестана, в XVII – первой половине XIX в., является значимой неотъемлемой частью исследования истории народов Дагестана в один из характеризующих периодов их общественно-политического становления. Анализ адатов народов Южного Дагестана дает много ценной информации для характеристики дагестанского джамаата, который включал в себя всех жителей одного населенного пункта, и тухумов, на которые делился этот джамаат. Обычное право рутульцев, как и всех народов Кавказа, привлекало внимание многих дореволюционных русских ученых. Использованы для написания статьи полевые материалы автора. Данное исследование рассматривается, как изучение структуры сельской общины и тухума рутульцев в означенных хронологических рамках (XVII – первая половина XX вв.).

Специальных исследований, которые целенаправленно акцентировали бы внимание на особенностях сельской общины рутульцев; на многогранных внешних взаимосвязях союзов сельских общин и беков в дагестановедении практически нет. При написании рабо-

ты автор использовал большой, полевой материал по устройству и административному управлению, который был собран в Рутульском районе и некоторые материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан.

Феодальные отношения у рутульцев, и у остальных народов Южного Дагестана своеобразно протекали по сравнению с другими краями и регионами. Своеобразие, заключалось в том, что феодальное сословие здесь не могло не считаться с такой внушительной силой, как сплоченные союзы сельских общин. Рутульская община функционировала на демократических, «народовластных» началах в ходе экономического и социального развития общества подвергалась изменениям, которые были связаны с процессом углублением управленческой верхушки и феодализации и имущественного расслоения узденства и бекства. В статье ставится цель – проследить земельно-правовые отношения и изменения, произошедшие в социальных отношениях и системе самоуправления рутульцев.

Структура горского общества у рутульцев, как и у остальных народов Дагестана, определялась особенностями развития хозяйства, а также уровнем социального развития. В статье анализируются формы близкородственных объединений народов Северного Кавказа, специфика сельской общины и «вольных» обществ рутульцев. Показана определявшаяся адатами общественная структура сельской общины и внутритухумная система.

Ключевые слова: Восточный Кавказ, Дагестан, патриархия, тухум, джамаат, рутулы, сельское общество.

Denis Dzhumaev

THE STRUCTURE OF THE RURAL COMMUNITY AND TUKHUM AMONG THE RUTULIANS: THE EVOLUTION OF THE SOCIAL SYSTEM IN THE SECOND HALF OF THE 18TH - EARLY 20TH CENTURIES

The article examines the peculiarities of the organization of rural society among Rutulians of the second half of the XVIII – the beginning of the twentieth century. The relevance of the problem posed is also that in recent years in the history of the peoples of South Dagestan actual rich material has accumulated, there is a sufficient base of historical work, which allows us to begin a detailed study and understanding of the historical past of rutuls in the XVII – the first half of the XIX century.

In this regard, the study of the historical past of rutuls – one of the indigenous and small peoples of Dagestan, in the XVII – first half of the XIX century, is a significant integral part of the study of the history of the peoples of Dagestan in one of the characterizing periods of their socio-political formation. The analysis of the adates of the peoples of South Dagestan gives a lot of valuable information for the characterization of the Dagestan jamaat, which included all

the inhabitants of the same settlement, and the tukhums into which this jamaat was divided. The customary law of the Rutulians, like all the peoples of the Caucasus, attracted the attention of many pre-revolutionary Russian scientists. Field materials of the author were used to write the article. This study is considered to give how to study the structure of the rural community and the tukhum of the Rutulians in the indicated chronological framework (XVII – the first half of the XIX centuries). The conceptual approach is new to the analysis of the structure of the rural community in Southern Dagestan. In the study, mutually conditioning processes, which are given on the example of a small people - Rutul, are of particular value. This study examines the problem of self-government of the Rutuls in a political science vein. It is local self-government that gives an outlet to the desire of territorial communities for their independent and free development.

All of the above and many other features of the relationship «feudal-union-community» indicate, first of all, that feudal relations, their development among the Rutulians, and among the rest of the peoples of Southern Dagestan, proceeded in a peculiar way in comparison with other territories and regions. The originality was that the feudal estate here could not but reckon with such an impressive force as the close-knit unions of rural communities. The Rutul community functioned on a democratic, «people's power» basis in the course of the economic and social development of society, it underwent changes that were associated with the process of deepening the management elite and feudalization and property stratification of uzdenie and bekism.

В общественной жизни рутульцев особое значение имели родственные отношения. Для обозначения широкого круга родственников рутульцы использовали термин «тухум», имевший широкое распространение и у других народов Дагестана, а также названия «тум», «сихил», «къабил», «халадан». Все эти термины обозначают, в сущности, такое известное в этнографической науке явление как «патронимия». Этот термин ввел в научный оборот М.О. Косвен, который определяет патронимию как родственную группу, состоящую из некоторого числа больших или малых семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи. «Каждая из этих разделявшихся семей представляет самостоятельную единицу, вместе с тем вся эта группа семей сохраняет в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство» [15, с.23].

Формально главой патронимии считали самого старшего мужчину в тухуме «къыхды хыди» (старший родственник), который пользовался большим уважением. М.М. Ковалевский писал: «В рутульском и цахурском обществе глава тухума есть лицо, которому каждый из членов обязан сообщить обо всем случившемся и к которому он должен обращаться за советом, даже в делах семейных». И далее: «Их первенствующее значение сказалось с особою силою на тех родовых сходах, на которых разбирались случаи столкновения между отдельными дворами» [13, с.123]. Старшего мужчину в тухуме называли «къхды дид» («старый отец») [17, с.47]. По сведениям советского кавказоведа Л.И. Лаврова, «къхды дид» играл важную роль во всех внутрисемейных делах, к нему обращались за советом, он выносил вердикт при возникающих между родственниками спорах. Главы отдельных семей в тухуме могли собираться на совет, который возглавлял «къхды дид», где обсуждали проблемы раздела семейного имущества, заключения браков.

Одновременно с заседанием совета мужчин могло собраться женское собрание тухума, но происходило оно отдельно от мужского собрания. Женское собрание не имело права выносить собственные решения, поэтому женщины ожидали решения мужского совета. Сами они не мог-

The structure of mountain society among the Rutulites, like the rest of the peoples of Dagestan, was determined by the peculiarities of the development of the economy, as well as the level of social development. The article analyzes the forms of closely related associations of the peoples of the North Caucasus, the specifics of the rural community and the «free» societies of the Rutulians. The social structure of the rural community and the internal spiritual system determined by adats are shown.

Key words: East Caucasus, Dagestan, patronymy, tuhum, jamaat, ruthuls, rural society.

ли входить в помещение, где заседали мужчины, поэтому они посылали туда под каким-нибудь предлогом мальчиков и через них узнавали о том, что творится на заседании. Стоит остановиться подробнее на терминах родства, поскольку они отражали особенности общественной организации. Для обозначения родственников близкого круга родства употреблялся термин «хыдиймар», «хыди», им обозначали внуков, племянников. Хыдылами являлись дети сыновей и их дети, а также дети дочерей – это была первая линия родства в тухуме. Хыдыймар второго порядка, или второй линии родства, были племянники дети брата и сестры, двоюродные братья, двоюродные сестры. Таким образом, наиболее близкое родство в тухуме обозначалось следующей родственной линией: отец – «дид», мать – «нин», брат – «шугу», сестры – «ришиймар», «хыдле», «хыдылар»-внуки, правнуки, двоюродные, троюродные братья с их детьми т. е. к категории «хыдылар» относятся родственники до четвертого колена включительно. Родственники до пятого колена «дидсур» («касаемые»), т. е. все, что происходит в доме каждого, входящего в этот круг родства, касается в нем всех и каждого [10, с. 28]. К примеру, если один мужчина из принадлежащих к этому кругу умирал, то имущество соответственно от степени родства переходило к одному из них, сирот умершего также воспитывал он. Таким образом, адаты закрепляли наследственные права агнатов.

Отсчет родства производится по мужской линии, жены сыновей и внуков в круг кровных родственников не входили. Члены «дидсур» считались близкой родней. Замужние дочери также согласно полевой информации, в «дидсур» не входили, но членами тухума являлись [22]. Для обозначения близких людей, включая и женскую родню, существовал термин «къудар». Родственников шестого колена родства называли просто «хыдиймар», т.е. родственники, которые тоже участвовали во всех мероприятиях, касающихся родных пяти первых ступеней родства, но не имели права решающего голоса. Седьмое колена родства называлось термином «бехдебыр» – близкие; их не приглашали на мелкие семейные торжества, но они обязательно участвовали в свадьбах, похоронах [16, с.123].

Самая последняя категория родства – это восьмой круг родственников. Его представителей называли «илы хьуум тыд» – имеющие запах родства, дальние родственники. А вообще для всех родственников дальше пятого колена родства существовало общее наименование – «ар-рха». Все эти родственники разной степени родства составляли тухум, который, в свою очередь, состоял из нескольких семей.

Жители сел до сих пор помнят подробные истории возникновения тухумов. Разрастаясь, тухумы начинали делиться. Можно привести примеры сегментации тухумов по сведениям информаторов. Так, Исламова С. сообщает о тухуме Вердиев из с. Катрух: «Основал это тухум Верди в середине XIX в, который имел 4 сыновей – Ибрагим, Халил, Беслан, Ахмед. Позднее каждый из них стал основателем конкретного рода» [19]. Информатор Гаджирагимов Б. также подтвердил, что «каждый из сыновей Верди них стал основателем конкретного тухума. Тухум Ибрагима называется и сейчас Ибрамьир, тухум Халила называется «Висныд» – «Житель у родника», основатель третьего рода Беслан получил позднее прозвище кърларай-Беслан «человек, который носить одежду из шкур», и род стали называть Кърариер. Прозвище получил четвертый сын Ахмед за то, что много кушал; его называли «Джемишды» «буйвол», а «род» – «Джемишербыр» – «буйволы» [20].

Таким образом, первоначально все четверо основателей, приведенных здесь тухумов являлись сыновьями одного отца. Любопытно, хотя основателями первых двух из четырех были братья Гаджи-Ибрам и Вали, тухумы стали называться не их именами, а именами их сыновей, которые дали большое число потомков мужского пола. «Сыновья основателей этих 4-х тухумов: Ибрам-Гаджи, Гаджи-Магъди, Нарчав, Семед, Малла-Курбан, Гьемзет были «хыдыларами» как между собой, так и для основателя тухума Вердиев, а их дети – Гаджи, Серкер, Бадир, Халик, Гюлали, Рамазан, Малла-Курбан, Гарун, Семед, Гьемзет, Закари, Магомед-Эмин, Тажидин для основателя тухума являлись «хыдылашды хыдылар» – внуками внуков, а между собой опять-таки считались «Хыдылар». Дети Хыдылов второй линии, или второго порядка – Мажит, Шамиль, Хазарчи, Шуай, Джамидин, Нарчав, Насруллах, Магомед «тэликъды хадиймаров» (пятое колено)» переходили уже «Хыдиймар» в (шестое колено) [20]. С шестого колена «Хыдиймар» тухума уже обособляются и происходит процесс, которым писал М.О. Косвен: «Отдельные семьи, входившие в патронимию, в свою очередь, размножались, разрастались, сегментировались или делились и в результате давали начало патронимии» [15, с.134].

В другом рутульском селении Лучек «тухум Габашер, к примеру, состоял из тухумов Махсудар, Джамалар, Джумаер, Шихиер, Рашидар, Эминар;

тухум Чимуклар – из Агъалаяр, Къулбанар, Джумаер, Дашдемирар, Аллагъвердияр; тухум Къарахъьер – из Мамедар, Шахбанар, Месуер» [21]. Таким образом, можно сказать, что тухум у рутульцев, это патриархальная эндогамная группа людей, ведущих происхождение от одного общего предка.

Тесно связанные родственными узами, в первую очередь, внутри рода, а затем внутри тухума, люди считали себя единой общностью как с экономической, так и с идеологической точек зрения. Эта общность особенно проявлялась в расселении дочерних семей вокруг дома основателя тухума – «Отчего дома», которое наложило соответствующий отпечаток на планировку поселений. Поэтому в поселениях до второй половины XIX в. наблюдалась теснота, вызванная скученностью. Хотя, по мнению некоторых исследователей, еще задолго до исследуемого времени был изжит «принцип родового расселения с присущей ему формой моногенного поселения» стремление быть ближе к «отчему дому» сохранялось [18, с.23]. Как писал М.М. Ихилов, «если для размещения всех патронимических семей не хватало места на «родовом участке, то для некоторых из них приобретали участок по соседству» [12, с.168].

Дома семей, входящих в патронимию, соединялись друг с другом либо этажом, либо смежными стенами. Как и у некоторых других народов Кавказа, жилища близких родственников внутри патронимии нередко имели между собой сообщение по внутренним ходам на нижних этажах домов или через оконные отверстия в смежных стенах.

В этом плане примечательны старые кварталы с. Хнов, которые производили сильное впечатление на кавказоведов и этнографов своей планировкой. В некоторых селениях (Хнов, Ихрек, Мюхрек и др.) родственные кварталы сохранялись еще до середины XIX в., но с развитием индивидуального хозяйства, что привело к ослаблению родственных связей, а также с потерей оборонительного значения, определенная обособленность патронимических кварталов нарушается. В исследуемое время у рутульцев не было ни одного поселения, которое бы состояло из чисто патронимических кварталов, а квартал – из одной патронимии [9, с.57]. Хотя квартал мог иметь патронимическое наименование по названию одной из проживавших там издавна патронимий, он был уже населен, как правило, представителями нескольких патронимий. Процесс формирования полигенных кварталов продолжался вплоть до конца XX в. Однако надо отметить, что и в XXI в. сохраняются в аулах традиция строительства домов рядом с близкими родственниками. Таким образом небольшие родственные кварталы возникают, когда односельчане строят дома в новом

месте. Эти особенности планировки поселений связаны с переселением с горных аулов на равнину, так как при переезде учитывается такой фактор, как проживание в этой местности односельчан, и особенно родственников.

Например, «четыре территориальных квартала с. Шиназ состояли из 23 тухумов, куда входило 76 тухумов. В с. Мюхрек прослеживается 3 тухума: Сефиер, которые составляли 21 семью и 4 рода: Дамырар, Минакоер, Алибегер, Гадакъар; Минтарар – 22 семьи, входящие в 2 тухума: Бакаер, Хамзаер; Харышабыр – 21 семью в составе 3 рода: Тагьер, Балимиер, Исмиер. В каждом квартале Рутула жило несколько тумов. Так, в квартале Хъурасур жили: Сейдар – 30 семей, Шавурвр – 20 семей, Митлайер – 15 (переселились из Борча), Амьер – 10 в квартале Ады маъгле жили тухумы: Амычар – 70 семей, Гыгытар – 50 семей, Чильфу – 30 семей, Гарнер – 60 семей. Селение Хнов состояло из 7 тумов и более чем 60 тухумов. Основоположниками некоторых тумов (тухумов) считались выходцы из других мест Дагестана или даже из других стран. Так, члены тухума Сурхаяр, считают, что ведут свое происхождение из Казикумуха, Пехливанар – из Ирана, Иманар, Ужальер – из Аравии» [8, с. 220].

Принадлежащие к одной патронимии рутульцы были связаны определенной общностью имущества. Общепатронимическую собственность в основном составляли молотильные доски, скотоводческие помещения на зимних и летних пастбищах, мельницы, меры сыпучих тел, большие котлы и др. Ими одинаково могли пользоваться все члены патронимии. Однако основное средство производства – земля – находилась, как правило, в семейной собственности. Если у некоторых народов Северного Кавказа земельный фонд наделялся по патронимиям, которые владели своими наделами коллективно, и эта земля время от времени перераспределялась между ними, то у рутульцев пахотные и поливные покосные земли давно уже составляли частную собственность малой или изредка сохранявшейся большой семьи [3, с. 86].

В случаях отсутствия у одной семьи лошадей, ослов, а также орудий для земледелия (плуг, мотыга, соха, коса, топор и т. д.) практиковалось обращение к другим семьям (при этом отказывать было не принято) По сведениям информатора Магомедшерифовой Г: «Если брали какой-нибудь орудие, то возвращали его с хлебом или овощами, конфетами, с пустыми руками отдавать было нежелательно. Если брали лошадь на пару дней, тогда лошади забивали новые подковы. Также могли просить и крупный рогатый скот, (в основном в летний период), тогда в этом случае отдавали собственнику 8-10 кг масла и 10 кг сыра» [22].

У рутульцев индивидуальной собственностью женщин были прежде всего все подарки, которые она получила от жениха, они переходили в ее

собственность еще до вступления в брак. Если же родственники или невеста отказывали жениху после сватовства, они обязаны были вернуть все подарки обратно в двойном количестве. Если от брака отказывался жених, то все подарки оставались невесте. В личную собственность жены также входило все, что дарили родственники жениха во время свадьбы. Это в основном был скот, а также могли быть фруктовые деревья (с. Хлют, Лакун, Лучек).

Собственностью женщина обзаводилась лишь выйдя замуж. Однако женщина не считалась полностью правоспособной даже в отношении своего имущества. Хотя все знали, что все это личная собственность жены, распоряжался всем этим имуществом муж. Так, в адатах рутульцев прописано: «Без согласия жены муж не имеет права распоряжаться имуществом, которое принадлежит жене, оно неприкосновенно». Если муж покушался на личную собственность жены, то ее правом было обратиться к родителям, а они уже обращались в суд [16, с. 154].

На наследственную долю в собственности главы семьи женщина имела право претендовать по шариату. Шариат постепенно вытесняет право на наследство из обычного права, по которому женщина не включалась в число наследников, и имущество по смерти умершего доставалось лишь представителям мужского пола. Доля наследства мужчины приравнялась доле двух женщин. Также женщины могли получить право владеть земельной собственностью, если отец отдавал ее по назру («назер» означает «обет», обещание, данное Всевышнему»). Но при этом, если девушка выходила замуж за парня из другого аула, право собственности на землю она теряла [13, с. 204].

Что касается неполивных покосных угодий, зимних и летних пастбищ, то они продолжали оставаться собственностью союза. Каждая семья, входившая в патронимию, как правило, имела свой молочный и рабочий скот, но, если у семьи не было рабочего скота, она могла на время определенных хозяйственных работ одалживать его у родственников – членов своего тухума. Хозяйственная общность между членами патронимии выражалась, в основном, в отдельных актах взаимной помощи.

Взаимопомощь членов тухума особенно ярко проявлялась во время коллективных работ – «хлавуна», уборки урожая, в строительстве нового дома, при организации свадебных и других торжеств. При этом отношение родственников друг к другу зависело от материального положения семьи. Так, к более зажиточным родственникам приходило на помощь все семейство, а к бедным родственникам семьи ограничивались отправкой детей или женщин.

Когда один из родственников начинал строить новый дом, члены рода оказывали ему существенную помощь. Одной семье было труд-

но справиться со всеми работами – перевозкой камня, заготовкой древесины, закладкой фундамента, возведением стен и перекрытий. Каждый родственник должен был отработать определенные дни (при этом время и дни он определял он сам) на строительстве дома и один раз в неделю угостить всех, кто работал на этом строительстве. Все члены тухума, как уже говорилось, не только принимали участие в строительных работах, но и оказывали хозяину дома материальную поддержку. Причем, размер помощи зависел от степени родства. Особенно сложными работами были строительство фундамента и крыши. Мастера, которые этим занимались, получали подарки от всех родственников хозяина будущего дома. Было принято также односельчанам приносить сладости, крупы, масло, мясо. Естественно, что родственники приносили угощений больше, чем просто соседи, не являвшиеся членами патронимии [7, с. 156].

Большую помощь члены патронимии оказывали родственникам и во время свадьбы, которая требовала больших затрат. Все члены патронимии во время свадьбы, кроме своего непричастного и активного участия в организации торжества, приносили «хунча» в дом жениха и «табак» в дом родителей невесты. В состав «хунча» входила сушеная туша барана, «рат» (2 кг) топленого масла, 2 «ратлала» овечьего сыра и «рубэ» (12 кг) муки или крупы; «табак» состоял из отреза на платье, платка и «ратлала» пряжи [23]. После свадьбы все члены тухума каждый день продолжали поочередно свадебные торжества, организуя «джарга» - угощение с крупными затратами и подарками, основной целью которого было показать невесте дорогу в дом членов патронимии. На «джарга» приглашали всех участников свадебного торжества [8, с. 147].

«Большую поддержку члены патронимии от родственников получали и в случае каких-то несчастий. Так, если у члена тухума происходил падеж коровы или лошади, то все посещали его дом и выражали соболезнование словами: «бэдел гынчир кумагвуйсты» («да поможет бог») [22], а более состоятельные члены патронимии дарили теленка или жеребенка. Если же, к примеру, у кого-то из членов тухума по разным причинам погибал скот, то родственники делали так называемый «макъай»: каждая семья в тухуме отдавала пострадавшему по одной овце, в результате чего он делался владельцем 30-40 овец» [2, с. 12 – 26]

Система распределения материальных благ между членами тухума постепенно изменялась с развитием экономики. Если в древности, когда почти весь получаемый продукт был жизнеобеспечивающим, каждая семья получала свою долю просто в силу принадлежности к тухуму, то позже, с ростом производства негласным правилом стала обязательная ответная помощь

родственникам. О такой форме взаимопомощи с несколько изменившимся содержанием писал Закарияев З. Ш: «Коллективные формы труда внутри патронимии, ранее предполагавшие также и безвозмездную помощь несостоятельным родичам, следовательно, исключают эквивалент во взаимоотношениях, приняли форму взаимопомощи, основанной на более или менее строго соблюдаемом паритете». [11, с. 68]

Таким образом, социальная общность членов патронимии сплачивала их более, нежели хозяйственная. Еще большим выражением этой общности было осознание идеологического единства патронимии у рутульцев, как и у других народов Кавказа. Относительно рутульцев писала Рагимова Б. Г: «Наиболее характерным моментом являлась здесь единая общесемейная генеалогия, воспоминание об общем родоначальнике группы, обычно ее основателе рода» [27, с. 48]. Каждый член патронимии у рутульцев из поколения в поколение передавал детям знание о своем тухуме, его структуре, подчеркивая моменты, касающиеся общего предка тухума и рода. Человек осознавал себя, а первую очередь, не как неповторимого индивида, а как члена рода. В старину, как правило, не спрашивали у незнакомого, чей он сын или кто он такой, а интересовались, из какого он тухума «Апальашикды йи?» (буквально: «из каких рода?»). Отвечали, к примеру, так: «Джумабыщйка», т. е. из тухума Джума [23].

Уже во второй половине XIX – начале XX в. джамаат у рутульцев не имел единого места захоронения, а каждый тухум имел свое кладбище, что было характерно и для некоторых других народов Кавказа. «В с. Мюхрек жители до сих пор указывают на кладбище целого ряда тухумов: Харицбыр, Минтарар, Дамырар, Молла-Рамазанар и др., где их потомков продолжали хоронить до недавнего времени. Даже в наши дни, когда у селений есть общие кладбища, каждый тухум имеет на них свое место погребения его членов. Однако у рутульцев встречалось и такое явление, как захоронение основателя рода или чем-то отличившегося члена патронимии внутри жилого дома, в углу». Его считали святым, называя «гьылды кас» («святой человек») [8, с. 57].

Общественное единство патронимии выражалось также в том, что все ее члены защищали ее интересы, а сама патронимия брала под защиту каждого своего члена. Люди, затронувшие или оскорбившие честь всего тухума, либо кого-то из его членов, сурово наказывались, дело часто кончалось кровной мстью, длившейся иногда до тех пор, пока не оставалось членов рода, кому можно было бы мстить. В основном такие серьезные конфликты происходили между разными тухумами, а внутритухумные проблемы в основном решались мирно.

По рассказам старожилых кровная вражда была нередко еще в начале XX в. Как свидетельствует полевой материал, в с. Мюхрек враждовали тухумы Харыцлабыр и Дамырар. В 1915 г в с. Джилихур в результате раздоров между тухумами Хабыер и Кузиер был убит 21 человек [24]. Однако вмешательство властей иногда предотвращало развитие конфликта и позволяло избежать многочисленных убийств на почве кровной мести. Так, в с. Ихреке рассказывают о случае, который произошел в период Октябрьской революции: «однажды работавший каменщиком немолодой уже человек по имени Вали похитил девушку по имени Расиат, которая имела пятерых братьев, и заперся с ней в своем доме, боясь их мести. Поскольку братьям не удавалось проникнуть в дом, они стали разбирать его перекрытие, чтобы пристрелить похитителя. Юзбаши – глава этого села, попытавшийся отобрать пистолет у одного из братьев, погиб здесь при случайном выстреле из этого пистолета. За это все пятеро братьев были заключены в тюрьму и умерли там. Сестра же, уйдя от похитителя, вышла замуж в Рутуле и, как рассказывают, ни разу после этой трагедии и до конца своей жизни не спала в нормальной постели, а в знак траура по братьям укладывалась на ночь на куче тряпья в углу помещения» [22]. Вмешательство властей, хотя и повлекло здесь гибель юзбаши и позже пятерых братьев, но предотвратило трагедию еще большего масштаба, которая могла привести к длительной кровной мести. Вообще же дела, связанные с похищениями девушек, тухумы старались уладить полюбовно, не доводя дело до кровопролития.

Джамаат у рутулов, как и у народов всей остальной части Дагестана, был политической единицей, имевший свои органы управления и территорию. Рутульский джамаат состоял из тухумов, которые состояли из малой индивидуальной семьи, что составляло особую низовую ячейку структуры общины. Рутулы использовали для обозначения тухума различные термины: в Рутуле тухум называют словом «халалан», в Мюхрек употребляют широко в термин «тухум», в Шиназе род называли «къабиль». В маленьких аулах Рутульского союза тухумы компактно занимали в ауле отдельный квартал, о чем сообщает совпадение в названиях кварталов. «Так, в ауле Джилихур располагалось пять кварталов, названия которых соответствовали проживающим в них пяти тухумам: Кинук, Вачалар, Кевер, Даилер, Вабдиер. Кроме этих был тухум, члены которого жили разбросано по всем кварталам – Фабалиер. Тухум Кинук пришел в Джилихур из соседнего аула Ихрек.» [1, с.465]. «В селении Киче совпадало число кварталов и тухумов. Там жили 3 тухума в 3 кварталах: Риталан – 22 семей, Цифнер – 9 семей, Дамырар – 12 семей. По воспоминаниям старожилых они пришли из крупного селения, ко-

торое местные называли даже городом Харыц. Аул был уничтожен и разорен ханом Магомедом Казикумухским в конце XVII в, и после этого часть жителей бежала и осела в соседних аулах и основала селение Мюхрек. «А в селение Ихрек также проживали 4 тухума в четырех кварталах; Ахмады – 20 семей, Челевар – 90 семей, Къярсанар – 70 семей и Карачир – 80 семей» [22].

Совершенно иной была ситуация в самом большом ауле – Рутуле, которые был разделен на 4 квартала, и в нем располагались 19 тухумов. «В каждой части квартала проживало по несколько тухумов. Так, в северной части жили: Кайидер – 30 семей, Завурыер – 20 семей, Гальбрар – семей, которых переселились из Борча. В восточном квартале жили Дакиер, Сюдолнер, Амырар, Сейбулаз, Циндифуер, Дарманнер: итого – 7 тухумом. В западной части аула – Метер, Дъадимер, Тетинер, – всего 4 тухума. И в южном квартале, также проживали четыре тухума Вакъеер, причем этот тухум был самым крупным в Рутуле» [8, с.67].

Причем каждый тухум, в свою очередь разделялся на более мелкие части, которое именовалось «нихил». Тухум в основном называли в честь предка. Возникновение названий тухума могло быть также связано с особенностями деятельности и занятий лиц, входивших в него, со склонностями жителей к определенному ремеслу (например: тухум Карацырь (каменщики), с местностью проживания. Сама структура тухума полностью выстраивалась на подчинении всех его членов одному главному лицу. В ауле Рутул главного старейшину называли «къшды», который даже в современное время пользуется большим авторитетом, при обращении к нему его называют уважительно «баба дид» [4, с.67]. М. М. Ковалевский писал: «Звание это достигается путем свободного выбора, но часто бывает и наследственным; вообще же в главы тухума выбирается лицо, славящееся энергией, добропорядочностью, красноречием, хлебосольством» [13, с.164]. Специальных прав у главы тухума не было. Глава тухума был тем человеком, к которому все члены обращались за советом, который, впрочем, не носил обязательный характер, но которому все члены семьи сообщали обо всем случившемся. Его приказы имели более этическое значение, чем правовое. Но если результатом уклонения от его совета был причинен вред для всего тухума, старейшина мог наказать любого виновного побоями или даже бранью. Александров В. А. писал «По внутреннему устройству тухум более всего напоминал республику, главой которой являлся старейшина» [6, с. 34].

Хашаев Х. М. отмечал, что тухум – это союз родственников со стороны отца, а родственники по материнской линии в него не входили. Все родственники по отцовской линии являлись одинаковыми членами тухума [29, с.88].

Для решения важных дел, которые касались тухума, собирався сход. На сходе поднимались проблемы защиты и охраны его членов, вопросы, связанные с кровной мезтью. Решались также вопросы присоединения новых членов по просьбе того или иного человека, или же в случае уменьшения какого-либо тухума вследствие различных обстоятельств: болезней, войны, кровной мести), а также вопросы выдворения из тухума тех лиц, которые позорили остальных членов тухума. На сходе обсуждались дела, связанные с браками или подготовкой к свадьбе членов этого тухума, принимались решения о заключении союзов и установлении дружественных отношений с другими тухумами. В экономическом плане тухум занимался распределением земельных угодий между своими членами и разделением между семьями видов сельскохозяйственных занятий. Несколько родов занимались уборкой хлеба, жатвой и осенней сборкой картофеля, льна, кукурузы, другие занимались перегоном крупного и мелко рогатого скота или заготовкой сена и дровесины на зиму.

Все споры, которые происходили в одном тухуме между семьями, благодаря вмешательству родственников, заканчивались мирно. А если ссора происходила между разными тухумами, все члены тухума, даже старики, женщины и дети, включались во вражду [1, с.567]. По преданиям старожил селения Аран о вражде между тухумами «Хаялал» и «Цундик» говорится, что в праздник первой борозды «Цундик» умышленно пустили несколько собак в место, где собралась обедать представители «Хаялал». Посчитав эти действия направленными для того, чтобы оскорбить и унижить представителей другого тухума, члены «Хаялал» этого не вынесли, убив всех присутствующих из тухума «Цундик» [26]. В итоге противостояния двух тухумов вражда полностью истребила оба рода.

М. М. Ковалевский «писал, что выходить из тухума добровольно не принято было у всех народов Южного Дагестана, кроме цахуров под опасением вражды между тухумами» [13, с.65]. Исследователь также отмечал, что «в основном человека, который хотел покинуть тухум, уговаривает старейшина, но если он стоит на своем, то прибегают к угрозам и бывали случаи убийств» [13, с.68] Как гласит «рутульская поговорка «Аде йшьды, аде йкъхсты» – «В каком роде родился, там и умрешь» [25].

Сельское общество –«джамаат» – всегда оставалось на стороне тухума, к которому принадлежал недовольный, и жители села уговаривали его не *покидать свой тухум. Если род старался задерживать членов, которые хотят покинуть тухум, то другой род заявлял готовность полностью принять в свой род каждого желающего из любого тухума, так как любой тухум хотел увеличить число своих членов, и кроме того, такой отказ считался

позорным делом [28, с.58]. Переход из одного тухума в другой оправдывался только в том случае, если в тухуме оставалось несколько семей или несколько лиц в пределах одного и того же селения, которые желали примкнуть к более крупному роду. Однако у рутульцев и ахтынцев были требования к этому случаю – присоединиться малый род мог только, если в другом тухуме было около 40 семей.

Развитие экономики приводило к разделению больших родственных семей тухумов и созданию малых семей – «хыдылар», которые проживали недалеко от большой семьи, либо уходили и переселялись в другие места, образуя новые населенные пункты или кварталы. Например, выходцы из аула Рутул в XVIII в. образовали селения Киче и Куфа. Уже XIX в. возникают и новые кварталы в Рутуле, например, «Курах-дыдый», который стал крупным кварталом сейчас [8, с. 46].

В конце XIX – начале XX вв. тухум лишь сохраняет лишь некоторые формы организации родового патриархального строя. Основным социально-экономическим звеном джамаата становится малая индивидуальная семья. «В состав тухума входят индивидуальные семьи, у которых имелось в частной собственности земля, скот, имущество и они по-разному занимали разное экономическое и политическое положение в сельской общине. Верховным собственником общинных земель являлось сельская община, состоявшая из тухумов, вышедших из разных мест, что не являлось характерным для родовой общины» [10, с. 76].

Теперь члены тухума разделяются на малые семьи и их связывает с тухумом только сельская община. Главным образом, малые семьи в общественном и экономическом аспекте делят совместные владения, бывшие в общинной собственности: покосные луга, горные пастбища и лесные рощи. Один из адатов Самурского округа гласит: «Если несколько человек, не связанные родственными узами, владеет одним карманом, то никто из совладельцев не может отделить своей части для возведения на ней постройки, а только пользуется этим карманом для молотбы хлеба» [2, с.123 – 116].

Единство патронимии наиболее полно проявлялось в плане социальном – во взаимной выручке, взаимопомощи. Необходимость этих обычаев диктовалась нелегкими условиями существования хозяйств, необходимостью самозащиты от посягательств других тухумов, а также наличием пережитков родовых отношений.

Таким образом, в конце XIX – середине XX в. тухумные отношения и особенно взаимоотношения более узкого круга родственников (до 3-4 колена) внутри тухума играли еще значительную роль в быту и общественной жизни рутульцев. В настоящее время с развитием современной

рыночной экономики и социальных последствий процесса глобализации тесные связи между членами тухума начинают разрушаться.

Каждый родственник должен был отработать определенные дни (при этом время и дни он определял он сам) на строительстве дома и один

раз в неделю угостить всех, кто работал на этом строительстве. Каждый родственник должен был отработать определенные дни (при этом время и дни он определял он сам) на строительстве дома и один раз в неделю угостить всех, кто работал на этом строительстве.

Источники и литература

1. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / под ред. И. Я. Сандрыгаило. Тифлис: Тип. Главннач. гражд. частью на Кавказе, 1899. 622 с: URL: <https://avidreaders.ru/book/adaty-dagestanskoy-oblasti-i-zakatal'skogo-okruga.html> (Дата обращения: 05.06.2020)
2. Адаты южно-дагестанских обществ // ССКГ. Тифлис: Изд. кавк. горек, упр. 1875. С. 1 – 72. URL: <https://lab-adat.ru/?p=90> (Дата обращения: 07.06.2020)
3. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.: Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса. М.: Наука, 1988. 237 с.
4. Агларов М.А. Территория сельских обществ и их союзов горного Дагестана в XV – XIX вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1981. С. 83 – 99.
5. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Неравенство тухумов как показатель разложения сельской общины Нагорного Дагестана (XVIII – XIX вв.) 1984. 244 с.
6. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – нач. XIX в.). М.: Наука, 1976. 323 с.
7. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. Махачкала, 1999. 339 с.
8. Булатова А.Г. Рутульцы (XIX – начало XX в). Историко-этнографическое исследование. М.: б.и., 2003. 276 с.
9. Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана. Проблемы, история изучения, перспективы / Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1981. С. 13 – 25.
10. Джалилова Х.М. Рутулы: социально-экономическое и политическое развитие в XVII – первая пол. XIX вв.: автореф. дисс. ... канд.ист. наук. Махачкала, 2000. 26 с.
11. Закариев З.Ш. Социально-политическое развитие союзов сельских общин Самурской долины в XV – XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. 170 с.
12. Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутульцев, цахуров, агулов. Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1967. 369 с.
13. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М.: Тип. Мамонтова, 1890. Т.1. – 2.
14. Краббе К.К. Замечания о Докузпаре, Ахта и Рутуле до 1835г. // ИГЭД. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. С.335 – 336.
15. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа М.: Изд-во вост. лит., 1961. 32 с.
16. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. Вып. 1. – 2.
17. Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник, вып.3. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 115 с.
18. Магомедов Р.М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник, М.: Изд-во. вост. литературы, 1960. 11 с.
19. ПМА 2019/1 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Исламова Севда 1957 г.р. с. Верхний Катрух).
20. ПМА 2019/1 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Гаджирогимов Беслан 1965 г.р. с. Верхний Катрух).
21. ПМА 2019/2 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Гасилов Рустам 1955 г.р. с. Лучек).
22. ПМА 2019/3 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Магомедшерифова Гюльничек 1949 г.р. с. Ихрек).
23. ПМА 2019/3 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Гасанова Истарай 1976 г.р. с. Ихрек).
24. ПМА 2019/4 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Магомедова Наифат 1967 г.р. с. с.Мюхрек)
25. ПМА 2019/5 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Саламова Тамила 1977 г.р. с. с.Аран)
26. ПМА 2019/3 – Полевые материалы Джумаева Д.И. Экспедиция в Рутульский район Республики Дагестан (Информатор: Надинова Гюльмира 1975г.р. с. Ихрек)
27. Рагимова Б. Г. Сельская община у самурских лезгин в конце XVIII—XIX в.: автореф. дис. канд. ... ист. наук. Л., 1987. 20 с.
28. Хашаев Х.М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке: Материалы к сессии. Махачкала, 1954. 97 с. (на правах рукописи).
29. Хашаев Х.М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Ученые записки институте истории, языка и литературы. 1956. Т.1. С. 42 – 79.

References

1. Adaty Dagestanskoi oblasti i Zakatal'skogo okruga (Adats of the Dagestan region and the Zakatala district) / ed by d. I.Ya. Sandrygailo. Tiflis: Tip. Glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze, 1899. 622 p. URL: <https://avidreaders.ru/book/adaty-dagestanskoy-oblasti-i-zakatal'skogo-okruga.html> (Accessed: 05.06.2020). (In Russian).

2. Adaty yuzhno-dagestanskikh obshchestv (Adats of South Dagestan societies) // SSKG. Tiflis: Izd. kavk. gorek, upr., 1875. P. 1 – 72. URL: <https://lab-adat.ru/?p=90> (Accessed: 07.06.2020). (In Russian).
3. Aglarov M.A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. (Rural community in Nagorno-Dagestan in the XVII - early XIX centuries): Issledovanie vzaimootnosheniya form khozyaistva, sotsial'nykh struktur i etnosa. Moscow: Nauka, 1988. 237 p. (In Russian).
4. Aglarov M.A. Territoriya sel'skikh obshchestv i ikh soyuzov gornogo Dagestana v XV—XIX vv. (The territory of rural societies and their unions of mountain Dagestan in the XV-XIX centuries) // Obshchestvennyi stroi soyuzov sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII – nach. XIX vv. Makhachkala, 1981. 83 – 99 p. (In Russian).
5. Aliev B. G., Umakhanov M.-S.K. Neravenstvo tukhumov kak pokazatel' razlozheniya sel'skoi obshchiny Nagornogo Dagestana (XVIII – XIX vv.) (Tukhum inequality as an indicator of the decomposition of the rural community of Nagorno-Dagestan (XVIII-XIX centuries). Moscow, 1984. 244 p. (In Russian).
6. Aleksandrov V. A. Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII-nach. XIX v.) (Rural community in Russia (XVII-beginning XIX century). Moscow: Nauka, 1976. 323 p. (In Russian).
7. Aliev B. G. Soyuzy sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII-1 pol. XIX vv. (Unions of rural communities of Dagestan in the XVIII-1 pol. XIX centuries). Makhachkala, 1999. 339 p. (In Russian).
8. Bulatova A.G. Rutul'tsy (XIX – nachalo KhKh v). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie (Rutul'tsy (XIX – began XX in). Historical and ethnographic research). Moscow, 2003. 276 p. (In Russian).
9. Gadzhiev V.G. Soyuzy sel'skikh obshchin Dagestana. Problemy, istoriya izucheniya, perspektivy (Unions of rural communities of Dagestan. Problems, history of study, prospects) // Obshchestvennyi stroi soyuzov sel'skikh obshchin Dagestana v XVIII – nach. XIX vv. Makhachkala, 1981. P. 13 – 25. (In Russian).
10. Dzhailova Kh. M. Rutuly: sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie v XVII-1 pol. XIX vv. (Rutuly: socio-economic and political development in the XVII-1 pol. XIX centuries): abstract of thesis. Makhachkala, 2000. 26 p. (In Russian).
11. Zakariyaev Z.Sh. Sotsial'no-politicheskoe razvitie soyuzov sel'skikh obshchin Samurskoi doliny v XV – XVIII vv. (Socio-political development of unions of rural communities of the Samur Valley in the XV – XVIII centuries): thesis. Makhachkala, 2000. 170 p. (In Russian).
12. Ikhilov M.M. Narodnosti lezginiskoi grupy: Etnograficheskoe issledovanie proshlogo i nastoyashchego lezgin, tabasarrantsev, rutul'tsev, tsakhurov, agulov (Nationalities of the Lezgi group: Ethnographic study of the past and present Lezgins, Tabasarans, Rutulians, Tsakhurs, Aguls). Makhachkala: FAN SSSR, 1967. 369 p. (In Russian).
13. Kovalevskii M. M. Zakon i obychai na Kavkaze (Law and custom in the Caucasus). Moscow: Mamontov's publ., 1890. Vol. 1 – 2.
14. Krabbe K.K. Zamechaniya o Dokuzpare, Akhtakh i Rutule do 1835g. (Remarks on Dokuzpara, Akhty and Rutul until 1835) // IGED. Moscow: Vost. Literaty, 1958. P.335 – 336.
15. Kosven M.O. Etnografiya i istoriya Kavkaza (Ethnography and history of the Caucasus). Moscow: Vost. Literaty, 1961. 32 p.
16. Leontovich F.I. Adaty kavkazskikh gortsev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza (Adaty of the Caucasian highlanders: Materials on customary law of the North and East Caucasus). Odessa: P. A. Zelenogii's publ., 1882. Issue. 1 – 2.
17. Lavrov L.I. Rutul'tsy v proshlom i nastoyashchem (Rutul'tsy in the past and present) // Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Issue.3. Moscow: 1962. 115 p.
18. Magomedov R.M. Adaty dagestanskikh gortsev kak istoricheskii istochnik (Adaty of the Dagestan highlanders as a historical source). Moscow: Vost. Literaty, 1960. 11 p.
19. PMA 2019/1 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Islamova Sevda 1957 g.r. s. Verkhonii Katruk).
20. PMA 2019/1 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Gadzhiragimov Beslan 1965 g.r. s. Verkhonii Katruk).
21. PMA 2019/2 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Gasilov Rustam 1955 g.r. s. Luchek).
22. PMA 2019/3 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Magomedsherifova Gyul'chichek 1949 g.r. s. Ikhrek).
23. PMA 2019/3 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Gasanova Istarai 1976 g.r. s. Ikhrek).
24. PMA 2019/4 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Magomedova Naifat 1967 g.r. s. s. Myukhrek).
25. PMA 2019/5 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Salamova Tamila 1977 g.r. s. s. Aran).
26. PMA 2019/3 – Polevy materialy Dzhumaeva D.I. Ekspeditsiya v Rutul'skii raion Respubliki Dagestan (Field materials of Dzhumaev D.I. Expedition to the Rutul'sky district of the Republic of Dagestan) (Informator: Nadirova Gyul'mira 1975g.r. s. Ikhrek).
27. Ragimova B. G. Sel'skaya obshchina u samurskikh lezgin v kontse XVIII – XIX v. (Rural community at the Samur Lezgins at the end of the 18th – 19th centuries): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. L., 1987. 20 p.

28. Khashaev Kh.M. Obshchestvenno-ekonomicheskii stroi Dagestana v XIX veke: Materialy k sessii (Socio-economic structure of Dagestan in the XIX century: Materials for the session). Makhachkala, 1954. 97 p. (na pravakh rukopisi).
29. Khashaev Kh.M. K voprosu o tukhumakh, sel'skikh obshchinakh i «vol'nykh» obshchestvakh Dagestana v XIX v. (On the issue of tukhums, rural communities and «free» societies of Dagestan in the XIX century) // Uchenye zapiski institute istorii, jazyka i literatury. Vol. 1. 1956. P. 42 – 79.

Информация об авторе

Джумаев Денис Ибримович – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / den061094@gmail.com

Information about the author

Dzhumaev Denis Ibrimovich – Postgraduate student, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / den061094@gmail.com